

Алексей Клочковский

ЛЮБИТЬ
И ВЕРИТЬ

Аннотация

*Проза высокой пробы. Энциклопедия
российской действительности. Продолжение
традиций — и новые ответы на вечные вопросы.
Пронзительная, глубокая, настоящая Литература.*

Алексей Клочковский

Любить и верить

Система не может познать свое собственное устройство, если не поднимется на следующий уровень развития.

Одно из возможных толкований «теоремы о неполноте» Гёделя

Сверхновая

Как на костре, горел в постели Олег. Возбуждение из-за того, что произошло, не давало уснуть. Подложив руку под голову, он думал о жене. Точнее, о ее неожиданном желании... Уйти от него? Как?! «Ну, хватит уже об этом!.. Сколько можно?» — одернул себя Вещинский. Чтобы отвлечься, он стал смотреть в темное окно, на мерцающие песчинки звезд. Где-то среди них находилась сверхновая, которую, как сообщалось в новостях, совсем недавно обнаружили ученые. «Кажется, предыдущую сверхновую заметил четыреста лет назад Кеплер. Удивительно...» — думал Олег. Что именно удивительно, не так просто было сформулировать. Волновал размах ритма звездной механики, явившей во времена Олега то

же, что и во времена Кеплера, и тем объединившей эпохи, пространства, далеких и разных людей.

Олег вспомнил, как, будучи подростком, он часто видел сон, вызывавший такое же волнение перед таинственным и величественным. В том сне он находился посреди песчаных просторов; вокруг не было ничего, кроме песка. Он отчетливо различал отдельные терракотового цвета крупинки, и сам он был одной из крупинок, хотя и видел все как бы со стороны. Песок начинал двигаться, вращаться всё быстрее, образовывалась воронка, она расширялась и вместе с тем углублялась к центру. Олег-песчинка, безвольно расслабленный, плыл, увлекаемый шуршащими струями песка, и поначалу движение было приятным, убаюкивающим... Он поворачивался, переворачивался, у него начинала кружиться голова... Где верх, низ? Олегу становилось страшно. Он как будто отдалялся от воронки бесконечно далеко, но она от этого не уменьшалась, а, наоборот, увеличивалась до невообразимо огромных размеров, и задыхающийся Олег-песчинка плыл к центру воронки, чтобы, как в песочных часах, выйдя с другой стороны, очутиться в измерении нового времени. Он сопротивлялся движению и в то же время хотел оказаться с той стороны, а затягивающее отверстие приближалась, у Олега перехватывало дыхание... и он просыпался,

упершись взглядом в темноту.

Воспоминание растаяло. Олег вздохнул.

— М-м... — рядом в постели шевельнулась жена. Олег чуть отодвинулся, чтоб не задеть и не разбудить ее.

От долгого смотрения казалось, что окно приблизилось. Олег начал задремывать, то припуская веки, то вдруг поднимая их. Когда он открывал глаза, ему в полусонье мерещилось, что звезды за окном медленно падают вниз все разом, как снежинки, или нет, как песчинки в том давнем сне. Но сейчас Олег не чувствовал страха, как тогда, потому что знал, что все невзрачные песчинки, несшие его, потому и стали звездами, что выдержали удушающий закрут и, выйдя с другой стороны воронки, в прекрасном и величавом потоке как путеводную несли сверхновую.

...Олег крепко спал. И время не имело значения для его сознания, для этого удивительного дара, способного соединять далёкое и близкое и пренебрегать расстояниями между «настоящим» и «прошлым».

Перед обрывом

...«Сегодня пятое июня 1988-го года», — написал Олег вверху чистого листа. Подумав несколько мгновений, он закрыл свой дневник,

решив сделать запись позже, и отправился в кухню. Сев у стола и положив ногу на ногу, он принялся намазывать маслом кусок хлеба. Мякиш был крупно-пористый, а корка почему-то пахла свежеструганной доской. Олег с хлюпом глотнул кофе, с наслаждением ощущая его горячность и легкую горечь, пробивающуюся сквозь сладость, и откусил хлеб. Жуя и покачивая тапком на пальцах ног, он взглянул через окно поверх крыш, антенн и труб соседских домов. Дальше виднелся луг, дорога, поднимавшаяся по холмам, еще дальше, далеко-далеко, стояла неровная стенка соснового леса. Несмотря на расстояние, Олегу казалось, что он различает даже верхушки отдельных стволов на полотне ясного утреннего неба. Олег хлебнул еще, и снова «полетел» взглядом туда, вдаль, к краешку леса. Допив, перевел взгляд на клеенку, покрывавшую стол. Около тарелки с хлебом клеенка была продырявлена. А рядом изгибался узор, две параллельные кривые. «Женские ягодицы в полупрофиль», — мелькнуло у Олега в голове, как мелькало обычно, когда ему на глаза попадался этот орнамент. Он отодвинул стул и направился к выходу.

Легкость летнего утра охватила его, когда он вышел из подъезда. «Каникулы, каникулы!» — радостно телепатировал Олег самому себе, направляясь к своему «другу» Петровичу. «Друга»

заклучил в кавычки отец, потому что Петрович годился шестнадцатилетнему Олегу в деды. Работал закавыченный друг художником-оформителем в совхозной конторе. В ее темном коридоре Олег прошагал по скрипучим половицам до самой дальней двери, откуда слышалась приближающаяся дребезжащая музыка, и потянул дверь на себя. Пахнуло смесью краски и ацетона, едкой, но для Олега привычной, как и все, что являлось принадлежностью этой влекущей его комнаты.

— Здрасьте! Вы пришли? — искоса взглянув на Олега, ехидно прошепелявил старик. Он сидел, нога на ногу, с мандолиной в руках, склонив набок голову с плешью, как у Ильича, который виднелся на плакате, прислоненном в углу. Пониже плеши, за ухом у Петровича торчал карандаш.

— Здорово! Че делаешь? — спросил Олег, проходя и заглядывая в листы ватмана на столе с таблицами надоев.

— Да-а, надо вот тут подготовить... — глядя в мутное, грязное окно, произнес Петрович непередаваемо пренебрежительным тоном, мол, на кой мне черт все это, и отложил мандолину.

— Эть!.. — всколыхнулся он со стула, когда Олег чуть не уронил на ватман бутылку с краской. Олег сел на свое обычное место — по правую руку окно, впереди Петрович, восседавший за столом, за

спиной — «спальня». Мастерская служила оформителю и жилищем. В углу, отгороженном парой стульев от остальной части комнаты, лежал старый матрас, а по стене к нему низко подползал провод, заканчивающийся лампочкой в полуметре от пола. Это и была «спальня» Петровича, а лампочка ему была нужна для ежевечернего чтения. Вокруг, прямо на полу, были беспорядочно свалены кипы подписных изданий по искусству. Олег сел на качающийся стул с рваным матерчатым сиденьем и вытащил из кипы «Советского художника» с не очень чистой обложкой.

— Н-н, тэ-эк... — промычал Петрович, взял лупу и наклонился над раскрытой газетой «За рубежом».

Оба углубились в чтение. Перелистывая страницы, Олег просматривал репродукции и пояснения к ним. Рубленые, лапидарные изображения героев труда у доменных печей или посреди пшеничного поля очень напоминали то, что рисовал Петрович на праздничных транспарантах. Это было неинтересно. Дальше помещалась статья о Микеланджело. Здесь глазам Олега стало сладко, будто вкус и зрение перепутались, встретившись с микеланджеловской роскошью и сложностью переплетения цвета от клубничной розовизны к шоколадной насыщенности и моховой зелени. Но на следующей

странице могло быть еще интересней, и Олег, предвкушая это, снова перелистнул.

— В Монтевидео в минувший понедельник разбился пассажирский авиалайнер. Погибло сто сорок человек, — прочитал Петрович вслух и добавил: — Ну и хрен с ними!

Олег ухмыльнулся, качнув головой. Он уже взял другой журнал. Там его внимание привлекли репродукции картин Ван Гога. Особенно «Ивы на закате». Олег всматривался в аляповатое, размытое нагромождение цветочных пятен и у него постепенно возникало удивительное ощущение, будто он понимает, что чувствовал художник, когда он у себя сто лет назад смотрел на эти самые ивы. Как будто глаза Олега стали глазами давно умершего Ван Гога. И чем внимательнее и дольше он смотрел, тем сильнее становилось ощущение, будто он понял, что хотел передать художник этой картиной, и картина ему уже не казалась, как поначалу, неаккуратным нагромождением пятен. Наоборот, она выглядела все реальней и реальней, картина словно всасывала в себя, вот они — совсем рядом, ветви в напряженно-борщовом цвете заката. А Ван Гог, наверное, было жарко, и сквозь полуопущенные ресницы он глядел на все это в разморенной дреме, не желая шевелиться, чтобы не спугнуть удовольствие от редко красивого освещения.

— Что там? — вывел Олега из гипноза подошедший Петрович. — Вана Гога? — исковеркал он по своей привычке. — Хороший мужик, хороший...

Дверь открылась. Вошел дворник Николай, расчищавший территорию около конторы. Он устроился рядом с Олегом.

— Чай, чай — выручай! — бормотал Петрович, возившийся в углу возле двух обгорелых кирпичей, на которых стояла фыркающая и булькающая кастрюлька с кипятильником. — Олежа... тебе налить?

— Не! — поморщившись, помотал тот головой. Он искал в текстах слова «импрессионизм» и «экспрессионизм», беря журнал за журналом. Когда он вытягивал очередной, стопа рухнула. Удерживая ее, Николай с кряхтеньем нагнулся и тоже взял экземпляр. Глотнув крепкий до черноты чай из алюминиевой кружки, он раскрыл журнал.

Олег, наконец, нашел оба искомых слова. «Севиньяк», — прочитал он имя под репродукцией. Вглядываясь в нее, Олег укрепился в мнении, что эта манера привлекает его. Николай заглянул ему через плечо.

— Гхы-гхы!.. — ухмыльнулся он. — Что это нарисовано? Ну-у... — он махнул рукой и неторопливо продолжил. — Вот я видел картину...

в больнице... человек нарисован. Так там если рука — дак рука, каждая жилочка видна. Вот это художник! А эта-а... Что здесь нарисовано? Ниче непонятно...

— Все понятно, — Олег стал показывать и объяснять, что именно нарисовано. Заметив, что Николай улыбается его объяснениям, он замолчал.

— Нет, я считаю, это не искусство! — так же неторопливо подытожил Николай. То, что он улыбался, было Олегу неприятно, но только слегка — ведь это был всего лишь Николай, и Олег погрузился в рассматривание журналов, не слушая, о чем говорят рядом.

Гладкие страницы бликовали от света солнца, проникавшего сквозь мутное и «веснушчатое» от мушиных следов оконное стекло. Олег отодвинулся в тень. На одной из страниц он увидел заголовок, от которого его сердце забилося чаще... Страница выскользнула из-под пальцев, Олег нетерпеливо залистал, возвращаясь к ней. Сложные узоры на одной репродукции; голый человек, руками выжимающий себя, как белье после стирки — на другой; портрет, весь пронизанный тонюсенькими разноцветными линиями-ниточками на третьей. Автор — пациент психиатрической клиники. «Хм... Может, Филонов тоже душевнобольной?» — подумал Олег, потому что увиденное очень было похоже на работы этого художника. Но автор

напечатанных репродукций, в отличие от Филонова, был никому неизвестен. «Почему так? В чем разница-то?» — нахмурился Олег. Он все же нашел в тексте фамилию автора, но через минуту забыл и ее, и название клиники, в которой тот находился.

— Ладно, эт-само... Олег!.. — подойдя, сказал Петрович. — Ты бы шел... — просящим, но не выгоняющим тоном произнес он. Олег понял, что Петрович и Николай собираются выпить, но боятся, что в мастерскую заглянет кто-нибудь из начальства и подумают, что здесь еще и малолетку спаивают.

— Ладно, пойду я! — поднялся Олег. — Я возьму журналы?..

«Почему так?» — по дороге домой думал Олег, вспоминая Филонова и увиденное в журнале. Дома он уселся перед телевизором. Отец возился на кухне. Поглядев немного на экран, Олег встал. Он походил по комнате и подошел к кухонной двери.

— Ты чего? — обернулся отец — в переднике, с тряпкой в руках.

— Пап... Как ты думаешь, что такое настоящее искусство? — стесняясь вопроса, спросил Олег.

— Настоящее искусство — это такое, которое нужно людям, — отвернулся отец, бросая тряпку на стол.

— Как понять — нужно? — если бы Олег не стеснялся, он сказал бы «что значит» вместо «как понять».

— Нужно — значит, нравится. Пусти-ка... — отец потеснил сына, направляясь в ванную.

«Нравится... Ну вот Николаюта картинане понравилась. А мне понравилась!..» — уйдя в спальню, думал Олег. Он представил, что могла бы сказать сестра, увидев ту картину. Или Петька. Их реакции были бы своеобразнее и сложнее, чем просто «нравится — не нравится». Особенно у Петьки. «Каким людям должно нравиться искусство?.. Нет, наверное, «нравится» — неточный... критерий», — по привычке с некоторым трудом, но все же «выговорил» Олег «умное» слово — в мыслях-то его можно было не стесняться. «А какой все-таки точный?» — он хотел опять пойти спросить у отца, но передумал — ведь отец уже дал ему ответ своим окончательно-уверенным тоном. Но после этого ответа у Олега снова возник вопрос, хотя отец уже дал ответ. Хм... Почему отец не может, как раньше, давать такие ответы, чтобы после них уже больше не возникали вопросы?

Олег почувствовал себя странно — как будто он шел по дороге, а она вывела на обрыв и, сделав еще шаг, можно было полететь в пустоту. Что — ему самому, что ли, придется искать ответ?

Приглашение

В туалете было тесно; не рассеиваясь, слоисто висел табачный дым. Олег, всегда чувствовавший некоторую скованность в местах скопления людей, посмотрел по сторонам, ища место поспокойнее. В самом спокойном месте, в углу около подоконника, Олег увидел невысокого толстячка немного странного вида. Во-первых, он выглядел гораздо старше других студентов, лет на тридцать с лишком. Во-вторых, из под его распахнутого пиджака выглядывал какой-то небуднично-нарядный, змеисто-узорчатый жилет. «Похож на автора «Аэлиты»», — подумал Олег и подошел к нему:

— Спичек не будет?

Толстячок блеснул очками на Олега, хлопнул себя по карманам, полез во внутренний. Не найдя спичек, протянул горящую сигарету. Олег приставил кончик своей сигареты к огоньку и подкурил.

— Мм!.. Спасибо... — кивнул он, слезно жмурясь от дыма, полезшего в глаза.

— А вы-ы... с какого отделения? — глуховатым, но довольно приятным голосом вежливо спросил толстячок.

— С музыкального... с первого курса.

— Антон! — толстячок протянул ладонь. Они пожали друг другу руки. Антон, с присвистом выпуская струю дыма изо рта, артистично-преувеличенно закинул назад голову, покрытую редкими светлыми волосами. Вообще, во всех его движениях ощущалась некоторая неестественность, как будто он играл роль на сцене. Этим он обращал на себя внимание, и Олегу было интересно наблюдать за его «игрой».

— Можно взглянуть? — кивнул Олег на выглядывающую из кармана Антона книгу небольшого формата, на обложке которой было написано «В. Розанов».

— Увлекаетесь философией? — Антон по-особому взглянул на Олега, вынул и протянул книгу.

— Ну-у... как сказать... — протянул Олег важно и многозначительно. Новый знакомый становился ему все интереснее.

— А вы читали Ясперса? — спросил Антон.

— Н-нет, что-то не помню... забыл...

— А Юнга? Гуссерля?

— Юнга читал, — ответил Олег, поскольку признаваться, что не читал, не хотелось, а тем более, о Юнге ему что-то встречалось в предисловии к «Введению в психоанализ» Фрейда.

— Бердяева? Соловьева? — продолжал нападать Антон.

Олег решил, что пора оказать достойный отпор:

— Я Ницше читал...

Звонок вызвал в курящей публике волнение. Поддаваясь общему движению, новые знакомые были вынесены из туалета в коридор.

— А знаешь что? Приходи сегодня ко мне на работу... у меня ночное дежурство как раз... посидим, побеседуем... — торопливо и громко сказал Антон.

Шумные потоки студентов поталкивали их из стороны в сторону.

— А где ты работаешь?

Антон назвал адрес.

— Я с другом приду, ладно?

Антон гостеприимно размашисто закивал, и новые знакомые были унесены в разные аудитории каждый своим потоком.

Вечный вопрос

Олег и Костя почти дошли до музея, располагавшегося в старинном здании. Снежок печеньево похрупывал под ногами. У входа Олег поправил шляпу и длинный шарф, окольцевавший шею. Железная дверь с медленным скрежетом открылась.

— О!.. Заходите, заходите! — торопливо

забормотал Антон.

Кроме них еще никого не было.

— Ну, что решать будем? — спросил Олег.

— Пивка возьмем? Здесь точка недалеко, еще работает, — выдал Антон полувопрос-полупредложение.

— Да ну, чего с него ловить?! Лучше вина! — запротестовал Олег. Костя подержал пивную инициативу Антона. Дуэт перевесил соло, и друзья отправились на набережную.

Вечер вытекал в розовую закатную трещину горизонта между речным руслом и прессом темно-синего облачного покрывала. На набережной из-за позднего времени было очень мало покупателей. Но и пива было мало, оно закончилось, когда в очереди перед ними осталось только два человека. Другую точку уже закрыли, а ресторан находился далеко. Друзья, подсчитав деньги, решили зайти в магазин. А через пять минут уже двинулись в обратный путь.

Вино, темное, как пришедший вечер, глухо булькало в бутылке за пазухой Олега. Морозная дымка, смешиваясь со светом фонарей, накрывала радужным маревом городские улицы, по которым быстрым шагом шли Олег с Костей. Когда они вернулись, почти все приглашенные были в сборе.

«...Есть там лес голубиных чучел и заря в антикварном мраке...» — словами Лорки думал

Олег, гулко щелкая подошвами по блестящему музейному паркету.

Сделав поворот вслед за Антоном, друзья очутились в круглой комнате, стены которой плавно перетекали в низкий куполообразный потолок. Слева, словно бульдозером сгребённая, неаккуратно громоздилась стопа фанерных щитов, рядом стоял измазанный красками мольберт. Справа к стене прижался круглый стол, посередине которого стояла канистра. За столом расположился разнообразный народ. Обменявшись рукопожатиями со всеми, Олег и Костя уселись.

Пару минут раздавалось звяканье стаканов и шуршание разворачиваемых газетных свертков с закуской. Антон с пыхтеньем вцепился в бутылку.

— Покк!! — рассталась бутылка с пробкой.

Антон всем налил в стаканы. Олег глотнул. Горячий поток прокатился по пищеводу и флёр легкого предхмелья окутал голову... Олег наконец расслабился.

Ринчин, маленький бурят с непропорционально большими кистями рук, которого Антон называл вторым Брюсом Ли, поскольку Ринчин серьезно занимался каратэ, развернулся назад и с хитрой многообещающей миной вынул из сумки книгу с яркой обложкой.

— Вот, смотрите-ка! — Ринчин открыл страницу, на которой были изображены непонятные

знаки. Сидящие за столом подались вперед.

— Символика мистических учений Востока... Свастика, использованная немецкими фашистами — это «суувастик», тибетский знак вечного движения. Правонаправленный суувастик обозначает прогресс, движение в будущее, левонаправленный — разрушение. Но, поскольку разрушение — это тоже созидание...

— Созидание руин, — бормотнул безработный пролетарий без в/о Степа Шилин, протягивая руку за стаканом с вином.

— ...А созидание, в свою очередь, невозможно без разрушения старого, то оба варианта отражают...

— Да погоди, Ринчин, — вмешался Антон. — Давайте еще вмажем.

Издали через несколько комнат раздался звонок.

— Я сейчас! — Антон выскочил из-за стола. Через минуту он вернулся вместе с аспирантом Григорием.

— А, привет, коллега! — насмешливо подал голос Степа.

«Коллегой» он называл Григория потому, что тот был физик, а самому Степе друзья дали прозвище «метафизик» за интерес к «вечным» вопросам. Впрочем, «вечные» вопросы здесь волновали всех.

— Что вы нам, коллега, сегодня расскажете? Какие новости в мире науки? Смысл жизни уже найден? — ехидно спросил Степа. Черноволосый и в черном свитере Григорий молча спокойно сел и поправил очки.

— Смысл жизни?! Чёрт бы его побрал... Столько, сколько существует человек, то есть около пяти тысяч лет, он задает вопрос: «В чем смысл жизни?» — проворчал Антон, наливая Григорию вина. Тот кивнул, чуть слышно буркнув «благодарю».

— Вот! Вот и я о том: пять тысяч лет спрашивать и не получать ответа — однако! Почему ж так выходит? — с вызовом воскликнул Степа, кивнув Олегу, будто приглашая его к сочувствию в данном вопросе. Степа, несмотря на поверхностное знакомство с Олегом, относился к нему почему-то с преувеличенным уважением, может, из-за строгого галстука и сдержанной, серьезной манеры общения, и, рассказывая что-либо или доказывая свою точку зрения в компании, всегда взглядами и жестами к нему апеллировал.

Григорий кашлянул и негромко произнес:

— Вопрос: в каком случае невозможно получить ответ на вопрос? Ответ: если вопрос неправильно поставлен.

Олег убрал ноги под стул и, подавшись

вперед, вставил:

— Ницше говорил: «Я никогда не ломал голову над вопросами, которые таковыми не являются»...

Григорий кивнул и продолжил:

— Вопрос о смысле жизни, видимо, поставлен неправильно, поэтому как раз вопросом не является. Возможно, оттого на него несколько тысяч лет люди и не находили ответа.

— А не настало ли, в конце концов, время поставить его правильно?! — иронично и патетически воскликнул Антон, приподняв брови. Остальные заухмылялись. Повисла пауза.

— А почему вообще этот вопрос волнует человека, зачем человек ищет ответ на него? — вдруг спросил Ринчин серьезно и проникновенно. Григорий заговорил, и теперь в его негромком голосе слышалось некоторое оживление:

— Разберем этот вопрос по косточкам. Тут надо определиться, какую жизнь мы имеем в виду — человеческую, жизнь других созданий природы или бытие в целом. Возьмем человеческую жизнь. Она представляет собой существование в рамках определенной, человеческой биологической структуры. Что такое «смысл»? Это то, что необходимо для существования чего бы то ни было. Что такое «в чём»? Иначе можно сказать — «где?» То есть речь о местонахождении. «В чём» означает

— где, среди каких понятий. Итак, что получилось? Среди каких понятий находится то, что необходимо для существования в рамках человеческой биологической структуры? Или иначе — что является стержнем человеческой жизни, без чего ее не может быть? Вот так звучит расшифрованный вопрос «В чем смысл жизни?»...

Все, кроме Олега и Ринчина, задумчиво курили.

— Ну так и что же является стержнем человеческой жизни, без чего ее не может быть? — нетерпеливо спросил Степа.

— Если мы пойдем самым эффективным, но и самым жестким исследовательским путем — путем исключения, исключения того, без чего человеческая жизнь может быть, то мы обнаружим, что ответ на вопрос «Без чего не может быть жизни?» начинает дробиться на множество вариантов, подвариантов и их ответвлений. То есть дать единый и простой ответ довольно сложно... И вот тут начинается самое интересное! От сложности рождается вопрос о вопросе, — Григорий указал ладонью на Ринчина, — а почему, по какой причине он вообще возникает, вопрос «В чем смысл жизни»? Зачем мы ищем его?

Григорий на секунду замолк, затем продолжил:

— Пойдем от основ: почему человек вообще

что-либо в принципе ищет? Потому, что у него имеется потребность в этом искомом. Например, человек хочет жрать, — Григорий взял ломтик огурца и хрустнул им, — поэтому идет и охотится на мамонта, или идет в магазин и покупает продукты. На поиск пищи толкает потребность в ней.

— А на поиск смысла жизни какая потребность толкает? — спросил Олег. Григорий проигнорировал его реплику.

— Или посмотрим на проблему с другой стороны: чего мы хотим от ответа на вопрос «В чем смысл жизни?» Представим, что у нас уже есть ответ на этот вопрос; вот они, — Григорий потряс ладонями в воздухе перед собой, — эти несколько соблазнительных фраз, объясняющих и меняющих всю нашу жизнь. Ну и?.. Что мы хотим получить от этих фраз?

— Мы хотим уничтожить червячка, который грызет нам душу и постоянно напоминает: «К чему вся эта мотня — утром кофе, на работу, с работы, семья, детишки, машина, ссоры, веселье, жратва, болезни, и так изо дня в день, а потом — будьте добры в деревянный футляр, и два метра грунта над головой. Так к чему была вся эта мотня?» — подал голос Антон.

— Может, правда, — именно наличие смерти заставляет задавать вопрос о смысле жизни? —

неуверенно выговорил парень, имени которого Олег не помнил.

— Вопрос, конечно, интересный, но ответ на него мы не узнаем, потому что не знаем пока, каково жить без смерти, — с громким вздохом произнес Степа. Остальные зашумели, ерзая и двигая стульями.

— А ну-ка, попробуем иначе: относительно каждого вопроса есть три варианта — ответ есть, ответа нет, ответ есть эвентуально, то есть при определенных условиях... — повысив голос, увлеченно заговорил Григорий.

— Там, парам, парарам!.. — покачивая головой, начал напевать Степа, взявший в руки гитару. Но ни его, ни Григория уже никто не слушал. Захмелевшие любомудры разделились на пары и тройки близко сидящих со своими внутренними разговорами...

Активность обмена мнениями нарастала, пока Ринчин, уже женатый, не вспомнил, что ему пора домой. Народ как-то сразу начал расходиться.

Пятьсот и один день

За окном недобро посвистывала вьюга поздней зимы 199... года, а за кадром голос комментатора звучал еще более зловеще, чем музыка. На телеэкране мелькали кадры

криминальной хроники.

— Ты бы сходил, мать встретил, — сказал отец; он чинил фотоаппарат рядом, насупившись сквозь очки на поблескивающий обнаженный механизм.

Олег промолчал, не в состоянии оторваться от экрана, на котором возникали то кришнаиты, то разукрашенные, как цирковые клоуны, сатанисты.

— Слышишь?! — громче повторил отец.

— А? — притворился Олег.

— Я говорю — мать надо встретить.

— У-ум-м!.. — недовольно промычал Олег. — Здесь же рядом... чего тут идти, да и сумок у нее сейчас, наверное, нет.

— Иди-иди!

Олег, вздохнув, оторвался от лицезрения кришнаитов и стал одеваться. Всунув ноги в валенки и застегнув шубу из искусственного меха, он открыл дверь.

— Ты куда это собрался? — вместе с шаркающими шагами послышался голос матери, в полутемном подъезде поднимающейся по лестнице.

— Что-то ты долго сегодня... — произнес отец, выглянув в прихожую.

— Только сейчас зарплату выдали!

Отец щелкнул языком.

— О-о, ну, толкотня, ну, толкотня была! Как начали выдавать, так народ про очередь забыл!

Ле-езет, понимаешь, по головам! — стягивая сапог, возбужденно вспоминала розовощекая с холода мать. — И никто, ну, никто не одернет хамов! Главное, все со мной соглашаются — да, да, так нельзя, а сами же тех, кто понаглей, пропускают и слова не скажут! Тьфу!

Олег слушал, и у него учащалось сердцебиение: хотелось немедленно оказаться в той самой очереди и со вкусом набить морду наглецу, лезущему по головам. «Простонародье...» — неприязненно думал он, однако знал, что, если бы он действительно оказался в той очереди, то, скорее всего, предпочел бы сделать вид, что ничего особенного не происходит.

Мать пристроила пальто на вешалку и прошла в комнату.

— Да это еще хорошо, что выдали! Сейчас в очереди с женщинами разговаривали, так сказали, что на прошлой неделе Зарипова — помнишь ее? — доярка, с четырех утра очередь заняла, чтоб зарплату получить. Представляешь?! Уж она просила-просила, чтоб выдали... И выдали-то только потому, что ей на похороны зятя деньги нужны были... Нам-то, бюджетникам, хоть всего на два месяца задерживают, а им, в совхозе — на шесть месяцев!

Отец снова щелкнул языком, качнул головой:

— Раньше за такое враз с работы бы полетел,

и не только директор совхоза, или АО, — здесь отец изобразил презрительную гримасу, — как теперь называют, но и кое-кто в райкоме. А щас что? Как пошла эта разворуха...

(Разорение, разворовывание, разруха, заваруха — расплавленные огнем гнева и слитые в одно) . «Емко, красиво», — мысленно оценил слово Олег, но не спешил — тоже мысленно — поддерживать отца.

— Ну ладно, давайте ужинать... — вздохнула мать, расставляя чашки с голубыми цветочками по ободку. Олег со скребущим звуком выдвинул табуретку из-под стола и сел, ощущая легкое волнение. Он исподлобья взглянул на отца. Это был подходящий случай проявить себя перед ним.

— Да-а, — слегка успокаиваясь, вздохнула мать, глотнув чая, — точно, разворуха... Разворуха и развал... И ведь большинство на референдуме голосовало за сохранение СССР, а страну все равно развалили... каждая республика — сама по себе!.. — вновь возбуждаясь, возвысила тон она.

Олег посчитал, что удобный момент наступил и вмешался:

— То, что сейчас происходит в стране, похоже на то, что было во времена феодальной раздробленности. А после нее наступил период объединения, который закончился примерно в правление Ивана Грозного диктатурой! —

отчеканил он, с удовольствием замечая, что отец, похоже, с интересом и уважением прислушивается к его рассуждению. — И в истории не раз бывало, — авторитетным тоном разъяснял Олег, — что после периода разъединения наступает период объединения. Например: сначала революция и гражданская война, а потом — сталинская диктатура.

— Так что, во время объединения обязательно наступает диктатура? — спросила мать.

— Ну, может, это и не обязательно, но усиление государственной власти должно быть, а как же иначе? — Олег вдохновенно разглагольствовал, а перед его внутренним зрением проходили картины из «Хождений по мукам». Затем картины менялись, и вот уже Олегу виделись боярские шубы, воронье, спугнутое колокольным звоном и мечущееся, как лохмотья юродивого Никитушки на ветру... «...И-и, народец православный! Будешь плетью бит, кровью мыт! А Никитушка — весел, весел! А боярин, глядь, нос повесил! Худо — бунт, лиходолье! А хуже е — неволя!..»

— Сталинская диктатура? Хм... — отец мельком бросил взгляд на Олега. — При Сталине без разговоров расстреляли бы за такое... Сегодня в новостях — несколько тысяч шахтеров Кузбасса не вышли на работу. Забастовка! Бастуют, потому что

им зарплату не дают!

— Ужас! Надо сестре написать... муж-то ее там при шахте работает... как они там?..

— Да-а, уж не от хорошей жизни бастуют. А эти... умники... только и знают, что программу за программой провозглашать, — то «пятьсот дней», то ещё что-нибудь...

Слово «умники» отец произнес с нажимом, с каким-то особым смыслом, направленным против Олега — так Олегу почему-то показалось, и он внутренне напрягся, готовясь возразить, правда, еще не поняв, — что возражать и на что. Он вспомнил новостной сюжет, о котором говорил отец — физиономии в касках с фонариками, оружие и чумазы, как пьяный сосед. «Простонародье... Тебе-то что до них? У тебя пенсия хорошая», — промелькнуло у Олега в голове. Из размышления его вновь вывел голос отца:

— ...на грани катастрофы! Такого никогда не было ни при Сталине, ни при Брежневе! А авторы обращения — все люди известные, ученые, писатели...

Мать сочувственно кивала.

— Ну, ладно... Спасибочки, — совсем другим, умиротворенным тоном, словно предыдущий разговор не имел никакого значения, сказал закончивший ужинать отец и издал губами

трудноописуемый звук, выражающий сытость и довольство.

«Вот именно!» — раздраженно и иронично подумалось Олегу в ответ на этот звук и «спасибочки».

После ужина Олег, как обычно, улегся на кровать с книгой. Приятное тепло разливалось по телу, на языке еще не растаял вкус сладких маминых булочек, и у начитанного Олега всплыло в памяти словосочетание «послеобеденное благодущие», а когда он открыл книгу, вспомнилось: «Хорошо при свете лампы книжки умные читать, перелистывать эстампы и по клавишам бренчать»... Олег, вспомнив визиты соседа, со злорадным удовлетворением погрузился в чтение.

Превращения и фокусы

...Дрожь не прекращалась. Он чувствовал себя некоей емкостью, до краев наполненной восторгом и удивлением. Даже немного странным ему казалось безразличие в движениях и облике других покупателей, проходивших в отделы одежды и косметики мимо книжного отдела универмага. Как они могут оставаться безразличными рядом с этой, просто-таки волшебной переменной?! Олег подошел к стенду.

Нет, это же просто чудо, какие-то молочные реки, бестселлерные берега из книг, которые он и не надеялся подержать в руках!.. Стивен Кинг... Это же тот самый, американский, про которого Олег читал в журнале, и вот он! Дальше было незнакомое имя — Роджер Желязны, но привлекал внимание рисунок на обложке, какие-то чудовища на фоне космического пейзажа. Дальше еще, еще — так много! — яркие, глянцево мерцающие книги.

Он вспомнил, как, когда он был двенадцатилетним, в этом же самом магазине он нашел «Приключения капитана Блада». Как здорово — книга в «рамочке»! Одна-единственная приключенческая книга среди скучных стопок бесчисленных материалов съездов партии и учебников, она была подобна экзотическому морскому коньку, невероятным образом попавшему куда-нибудь в сибирский пруд, в общество банальных карасей.

Но что там «Блад» по сравнению с теперешним-то разнообразием! Вот бы все это разнообразие да ему тогда, когда он был двенадцатилетним! Восторг слегка разбавился сожалением; ему уже не двенадцать, а почти двадцать, и сейчас уже не так интересно было брать в руки книги с полок «Фантастика» или «Приключения»...

Олег отвернулся от чудовищ с обложки и,

сделав несколько шагов к полке с табличкой «Философия», почувствовал новый, еще более сильный прилив радости. Он буквально ощутил прилив крови в голову, от которого она на секунду как бы «опустела», а потом в висках щекотливо зашумело. Он словно очутился в пещере, где на полу во множестве были рассыпаны помятые и не очень купюры и золотые кольца. Даже мелькнуло нелепое желание нахватать тут всего побольше и, прижимая обеими руками к груди, побыстрее унести, пока другие не сделали этого. Жан-Поль Сартр... О! Иммануил Кант, «Критика чистого разума»... Ух ты-ы!.. Ницше! Неужели он может стоять здесь так запросто?! Щекам Олега стало жарко. Ему казалось, что на этот томик присутствующие должны наброситься с жадностью. Он оглянулся. Сутулый мужчина в очках, раскрыв, читал какую-то книгу. Две женщины в длинных меховых шубках стояли поблизости, одна доставала с полки книги, показывала и что-то объясняла другой. Олег подчеркнуто сдержанным движением протянул руку и вынул том с полки. «Эту куплю, эту куплю точно!» — думал он.

Расплатившись у кассы, он, как загипнотизированный, пошел к выходу. В дверях его толкнули, но он не обратил на это внимания. Приятно было ощущать в сумке вес купленной книги, и радостная улыбка, как Олег ее ни

сдерживал, все же выползала на его вспотевшее лицо, к которому холодно приложился январский воздух, как только он вышел наружу. Шагая по улице, Олег с чувством превосходства поглядывал на прохожих и на витрины магазинов.

«Эт че такое?» — Олег даже голову завернул, пытаясь не прочитать, а догадаться, что означает иностранное слово на вывеске над входом в один из магазинов. «А вот еще... Все прям такие «иностранцы»! Зачем это? Че бы по-русски-то не написать?» — подумал Олег, даже слегка остановившись около двери, над которой год назад было написано «Пирожковая» и где он перекусывал с матерью, бывая в городе. Теперь вместо слова «Пирожковая» было написано... «Фэшион Хаус?» — предположил Олег, не особо уверенный, так ли произносится английская фраза на вывеске. Но тут его отвлекли и почему-то взволновали кремово-розовые пятна, схваченные боковым зрением... Олег быстро обернулся и с ускоряющимся сердцебиением подошел к журнальному лотку, за которым, согреваясь, топтался укутанный продавец.

«У-у! Офигеть...» — Олег жадно всасывал глазами соблазнительные формы голых улыбающихся блондинок на глянцевых обложках с иностранными заголовками. Ему стало жарко, сердце тяжело бухало в висках: «Офиге-еть! Прямо

на улице... днем... столько людей вокруг...» Если бы он увидел человека, шагающего по воздуху в трех метрах над тротуаром, он был бы потрясен меньше. Н-да, это вам не рисунки голых женщин ручкой в тетради... если бы отец это увидел! Но пусть он думает и говорит что хочет, хоть про «...на грани катастрофы», хоть про «разврат», а ему, Олегу, это нравится. Ему хотелось приобрести эти журналы. Напряжение стало чрезмерным... Радуюсь, что сейчас не лето и его толстая шуба все скрывает, Олег двинулся дальше, довольный сегодняшним днем. Может, ему еще попадетя какой-нибудь фокус? Исчезни, серая скука! Все так переменялось, что можно ожидать чего угодно...

Дыра

К сожалению, основой жизни является прозябание.

А. Минкин

За окном мелко сеял дождик. Он шел всю ночь, к утру поистратился. На улицу сегодня не хотелось идти — там все взбухло, налилось влагой и выглядело неуютно. Дома было не намного лучше: спать Олегу пришлось под зонтом, подвесив его над постелью в перевернутом виде, как чашу, для сбора непрерывно падающих с потолка коричневых капель, настоянных на чердачном

голубином помете. Мать ругала коменданта, не предпринимавшего мер для ремонта, хотя потолки текли каждый год почти во всех квартирах дома, что было единственным утешением, поскольку этот факт время от времени возбуждал жильцов сочинить жалобную грамоту в поселковый совет. Создавалась иллюзия, что если «все подпишем», то что-то изменится, хотя ничего не менялось — не было средств, рабочих рук, и много находилось всяких прочих отговорок.

Дом был слеплен неаккуратно, непонятно из каких невидимых щелей навевающий туберкулез сквознячок шевелил занавески и, если в дождливый сезон случалось спать под зонтом, то зимой — в лыжной шапочке, спасая уши от холода, причиной которого были вечно перемерзающие отопительные артерии.

Все эти неудобства Олега не столько раздражали — притерпелся — сколько удивляли: «Конец двадцатого века — и в каких условиях жить приходится!» — мысленно не уставал поражаться он, словно когда-то, может, в прошлом воплощении, привык к комфорту аристократических гостиных. Но сегодня ничто не могло испортить хорошее настроение. У него была припасена радость в виде темных виниловых дисков в потертых упаковках, привезенных позавчера из городской библиотеки. Олег ходил

вокруг них два дня и холил в себе предвкушение. Он не любил слушать музыку, когда дома кроме него находился еще кто-нибудь. В этом случае Олег не в состоянии был полностью сосредоточиться на музыке, потому что ему казалось, что при глубоком погружении в мир одушевленных звуков выражение его лица становилось нелепым, странным, а может быть, в лице даже появлялось что-нибудь такое, что Олег тщательно прятал внутри. Поэтому он ждал неомрачаемых суетой часов. И вот эти часы пришли... Сегодня ему повезло, он остался дома один.

Олег торжественно привел в боеготовность проигрыватель и поставил сонату для скрипки и фортепиано Бартока.

На сорок минут он полностью отключился от всего, кроме музыки. Небо к тому времени посветлело, предметы на улице стали давать слабую тень. Олег со вздохом встал от проигрывателя, убрал пластинку и вышел в другую комнату.

В тиши квартиры громко скрипнула половица под его ногой. Олег подошел к окну и взглянул на серое небо. Вскоре выкатилось солнце, сверкучее, какое бывает только после дождя. Олег отправился в туалет. Через стенку слышна была привычная грубая ругань соседа:

— Ты отца не уважаеш... Шакал грёбаный!

Голос звучал громко, будто и стены не было. Затем сосед пошел из туалета вглубь квартиры, в ссору ввязалась его жена. Слышно было, как сыпался хрипучий лай соседа, матерившего жену.

Олег собрался идти на улицу, но услышал, как хлопнула дверь, и остановился в прихожей, прислушиваясь, дожидаясь, когда сосед выйдет из подъезда. После Бартока встречаться с ним не хотелось особенно. А сосед, как назло, обосновался в подъезде, бурча что-то неразборчиво. «Наверное, стоит и курит, глядя в окно», — предположил Олег и вернулся в комнату.

«Какая тоска! — думал он, глядя в окно на лужи цвета кофе с молоком. — Вот дыра, вот деревня! Ни поговорить ни с кем, ничего...» На коричневых лужах вновь появились концентрические расходящиеся круги. По стеклу поползла капля. Олег отошел от окна.

Снежный ворон

Улицы и дома обливал молочный туман. Стоя для пересадки на остановке, Олег нервно поглядел на часы: «Черт, опаздываю!» Потоптавшись среди ожидающих, он решил последний отрезок пути идти пешком: автобус не раз подводил, приходя не вовремя.

Дорога шла по возвышенному пустырю, и некуда было скрыться от ветра, струившего со всех сторон пятидесятиградусный утренний мороз. Идти надо было еще километра два, и Олег, чтобы сократить путь, свернул с дороги. С усилием, словно из топи, вытягивая из сугробов ноги, обутые в тяжелые мохнатые унты, он запыхался и открыл рот, который тут же заткнул ледяной ветер, добравшийся чуть ли не до желудка. «Блин!.. Вот так же, наверное, Ломоносов ходил на учебу!..» — подумал Олег, и это его слегка развеселило. Он остановился передохнуть. Сбоку раздались хрусткие и хриплые звуки. Обернувшись, Олег увидел чёрную птицу. Она, переваливаясь, подпрыгивала на снегу в полутора метрах от него. «Ворона, что ли?.. Нет, скорее, ворон», — Олегу почему-то увиделось в птице нечто мужественное. Ворон негромко покаркивал и косился блестящей чёрной бусинкой глаза. Так они стояли и смотрели друг на друга — два темных пятнышка посреди утомляющей зрение необъятной белизны снежного пустыря. Олег вдруг почувствовал странную симпатию к птице. Какой он серьёзный, даже сердитый... Не улыбается. Хотя как может клюв изогнуться в улыбку? Олег улыбнулся сам.

По дороге, в направлении филфака, прошумела блестящая иномарка, испугнув ворона. Олег хотел было посмотреть на часы, но передумал:

лезть за ними под шубу (на руке стрелки останавливались от холода) не хотелось. Мимо проехала еще одна машина, потом еще. Чем ближе к филфаку, тем круче становился подъем дороги, и Олег от напряжения слегка согрелся. Мерзло только лицо; оно задубело от мороза, так что Олег вообще не чувствовал его, и даже глаза еле ворочались вправо-влево. Наконец он с облегчением выдохнул: здание корпуса с каждым шагом приближалось, и уже было видно, как открывались дверцы автомобилей у крыльца, оттуда показывались ноги в брюках и лакированных туфлях, и их счастливо неозябший обладатель проскальзывал через вращающуюся стеклянную дверь в корпус. Поднявшись по ступенькам и войдя внутрь, Олег первым делом взглянул на часы: «Ф-фу, успел!» Приблизившись к лекционной аудитории, он взялся за дверную ручку и потянул ее.

На плечи и голову сразу навалился объем высокой и огромной аудитории. Взбираясь, как на пирамиду Хеопса, к самому верхнему ряду, Олег косился на изящные туфли и сапожки под скамьями, и внутренне сжимался каждый раз, когда поднимал ногу в мохнатом унте на очередную ступеньку. Наконец вершина была достигнута, и можно было расслабиться. Видя перед собой затылки, а не глаза, Олег чувствовал себя увереннее. Дюя на мерзлую ломоту в фалангах,

Олег несколько минут оправдывался и утешался, говоря себе мысленно, что у него дома тоже есть точно такие же туфли. Просто его не подвозили к самому входу... просто, чтобы в мороз не остаться без ног, он надел унты... а туфли пылятся дома, ненужные в деревне и невозможные в универе — зимой, во всяком случае. В туфлях он неуместен там, в унтах — смешон здесь. Чёрт... Ну почему, почему у него всегда так выходит, что... что «не по Сеньке... унты?!» Он же совсем не...

Сидевший перед Олегом парень резко обернулся — темный зрачок, прямоугольно-пиджачный силуэт, сливающийся в линию брючной стрелки, которая торжествующе завершалась глянцевым туфельным отблеском. Парень шепотом спросил:

— «Коммерция» — с одной или с двумя «м» пишется?

Олег взглянул на него с завистью и превосходством и ответил.

Посвящение

В день знаменательной встречи Олег встал невыспавшимся. Волнение долго не давало ему уснуть с вечера, не позволяло как следует расслабиться во сне. Да и проснулся он на час раньше, чем требовалось, когда зимние окна были

еще совсем черными.

Он встал и начал собираться. Перед свиданием следовало красиво уложить волосы, побрызгаться одеколоном. И, конечно, непременно съесть высококалорийный, мультивитаминный, страстиобразующий завтрак.

Пока Олег трясся в автобусе, волнение как-то немного застыло. Но поднимаясь по лестнице общежития, в котором должна была состояться встреча, Олег давился одышкой от вернувшегося волнения, а когда добрался до нужного этажа, то почувствовал, что просто-таки может упасть в обморок. На лестничной площадке было тихо и сумрачно... Отдышавшись, Олег вынул из кармана куртки-«пропитки» книгу. Это был условный знак. Через минуту замок одной из дверей щелкнул...

— Это вы? — вполголоса спросила симпатичная молодая женщина в домашнем халате.

— Да, — Олег улыбнулся своей фирменной, обольщающей, как ему казалось, улыбкой — не разжимая губ, чуть криво, снисходительно и в то же время обаятельно. Татьяна улыбнулась в ответ, обнаружив сбоку отсутствие одного зуба.

— Заходи быстрее! — заговорщическим шепотом перешла она на «ты».

Когда Татьяна заперла дверь и они вошли в комнату, первое благоприятное впечатление Олега от Татьяниной внешности подтвердилось и

усилилось. Немного ниже его, стройная шатенка с глазами цвета шампанского и удлинённым овалом лица, что Олегу очень нравилось. Вообще-то он не особо задумывался о внешности своей будущей партнерши, когда отправил письмо по адресу, указанному в газетном объявлении, и когда получил ответ. Главное, считал Олег, что — наконец-то! — нашлась женщина, которая согласна спать с ним.

Войдя в комнату, Олег сел на стул рядом с железной кроватью-полутораспалкой. Постель была разобрана.

— Что не раздеваешься? — спросила Татьяна, изящно, как кошечка, улегшись на бок. Узор ее черных кружевных чулок перемешивался с бахромой красного халата.

— Дай согреться, — сказал Олег, стараясь, чтобы его голос звучал раскованно.

Дуя на озябшие пальцы, он разглядывал обстановку. Шкаф-стенка, телевизор в углу, ковер. Все как у всех.

— Ты здесь живешь?

— Н-ну... И да, и нет.

— У тебя дети есть?

— Двое, — ответила Татьяна.

— Ого! — удивился Олег.

— Не говори! Успели настрогать... — Татьяна усмехнулась.

— Сколько у нас времени?

— Ну... Часа два. Даже полтора, — Татьяна подошла к шкафу. — Так что вот тебе мыло, полотенце...

— Да я вообще-то вчера в баню ходил...

— А ты так, немножко.

В ванной из крана шла только холодная вода. Когда Олег вернулся в комнату, Татьяна лежала в постели в черной кружевной комбинации, чуть прикрытая одеялом.

— Долго ты! Целиком что ли мылся?

Олег действительно отсутствовал приличный промежуток времени, но не из-за того, что мылся целиком, а из-за тщательности и нервной медлительности. Бывает нервная торопливость, а с ним случалась нервная медлительность.

Олег быстро начал раздеваться, чтобы не задерживать Татьяну более. Сутулясь от стеснения, он стащил заплатанные трико и забрался к ней в постель.

Несмотря на то, что Олег твердил себе, что все нормально и под контролем, чувствовал он себя достаточно дискомфортно. Его била с невероятным трудом сдерживаемая внутренняя дрожь, пальцы рук и ног были ледяными, что, впрочем, неудивительно — в комнате царила прохлада. Видимо, неважно работало отопление. Ко всему, Олег не знал, как ему себя вести.

— Делай, что хочешь, — прошептала Татьяна и откинула одеяло. Она стянула с себя комбинацию. С некоторым разочарованием Олег увидел, что груди у нее маленькие. Олег осторожно протянул руку, прикоснулся холодными кончиками пальцев к её шершавому соску, ощущая, как он мгновенно затвердел, обхватил грудь пальцами, чуть стискивая. Татьяна опустила веки. Дыхание её начало становиться громким и прерывистым.

Олег переживал состояние некоторой ошеломлённости. Подумать только — всего час отделяет его от дорожной тряски, замерзших окон автобуса, от волнения перед инициацией, от прошлой жизни! Час назад, как и пять лет назад — не имеет значения! — все было иначе. Час назад, как и пять лет назад, обнаженное женское тело было для него лишь кадром из порнофильма, объектом мучительного любопытства, почти ирреальным в своей недосыгаемости. И вот теперь жизнь бесцеремонно и беспредисловно ткнула его носом в то, к чему он с вожделием уже так давно стремился, ткнула, как нетерпеливый учитель ученика — зубрить местоимения и общие знаменатели женской природы...

Татьяна легла на спину и привлекла Олега на себя. Ей пришлось помочь ему, безрезультатно тычущемуся слепому котенку. Вопреки владевшей им иллюзии, что «там» — поле некоей совершенно

исключительной и обязательной райскости, и стоит только «там» оказаться, как небо покажется в алмазах, Олег не ощутил ничего особенного. «Вот оно, желанное и долгожданное посвящение в мужчины. Я по-настоящему, как все люди, занимаюсь сексом с женщиной», — думал он.

Внезапно ему стало смешно. Все так обыденно, так просто! В этой комнате Гордиев узел, много лет сплетавшийся из обид, страхов, жгучей зависти, стыда и вожделения, был разрублен так легко!.. И эта легкость придавала некую фальшивость происходящему... Олег получил, что хотел, и мог бы чувствовать себя довольным, а вместо этого он чувствовал себя ловко обманутым. Не пропадало ощущение, что чего-то важного здесь не хватает...

Рыба ищет, где глубже, а человек — где лучше

Олег пришел на собеседование за пятнадцать минут до начала. Магазин был еще закрыт, и у входа стояло человек пятнадцать таких же, как он, молодых парней. Они курили, прохаживались, отражаясь в витрине, и свысока посматривали друг на друга. «Надо же, так много желающих», — удивился Олег и заволновался — значит, отбор будет жестче. Олег был одет неплохо и даже модно,

но с завистью смотрел на парней в костюмах и белых рубашках: «Надо было и мне тоже костюм надеть, в костюме представительней». Дома он думал иначе: «Ни к чему костюм надевать. Я же не менеджером каким-нибудь иду устраиваться работать, а всего лишь продавцом бытовой химии. Явлюсь в костюме — подумают: «чистенький, неженка, с претензиями...»

Дверь магазина со звоном открылась. Олег был первым, кто позвонил по объявлению, и его первого пригласили на собеседование. Он нажал на «позолоченную» дверную ручку и вошел в кабинет. За столом сидела красивая молодая леди-босс, похожая на английскую принцессу Диану. Она крем-брюлейно улыбнулась Олегу:

— Здравствуйте! Проходите, присаживайтесь.

Олег положил паспорт перед леди-босс и сел на изящный, как в музее, стул с мягкой обивкой.

— Вы нам подходите, судя по данным, сообщенным вами по телефону, — сказала женщина, глядя то в паспорт Олега, то в лист, лежащий перед ней на столе. Олег радостно слушал. — Но как вы собираетесь работать, ведь вы же живете в деревне?

— Это прописан я в деревне, а живу здесь, в городе, у родственников, — соврал Олег.

Никаких родственников в городе у него не было. Олег собирался ездить каждый день из

деревни, обещанная немалая зарплата — две тысячи рублей — позволила бы стерпеть транспортные расходы.

— А-а! Ну ладно... Значит, так. Рабочий день у нас с восьми утра до восьми вечера, выходной — воскресенье...

— А обеденный перерыв? — спросил Олег.

— Обеденного перерыва у нас как такового нет, ну, подменяют продавцы друг друга, бегают в кафе рядом, если нет наплыва клиентов, или здесь перекусывают.

«Ничего себе, капитализм! Двенадцатичасовой рабочий день, только один выходной и нет обеденного перерыва!» — подумал Олег. Но слова «зарплата две тысячи рублей» приманчиво звучали в голове. — «Что ж, работать, так работать».

— А зарплата у вас без задержек? — спросил Олег.

— Зарплата без задержек. Ваши обязанности будут заключаться в непосредственной работе с клиентами, а также в доставке товаров в магазин с оптовых складов...

— Как? Я же продавцом хочу...

— Да, у нас продавцы тоже этим занимаются. Мы стремимся первыми иметь лучший товар, и когда узнаём, что где-то в городе появился новый высококачественный импорт, действуем

соответственно. А что, вас это смущает?

— Нет, я думал, только за прилавком... — промямлил Олег.

— Да ничего особенного, вы просто садитесь в троллейбус и едете по тому адресу, где в данный момент появилась интересующая нас продукция, оформляете бумаги на получение товара...

«Го-осподи ты, боже мой!» — подумал Олег; он ужасно боялся иметь дело с документами: во-первых, потому, что всегда сомневался, правильно ли их оформил, а уточнять у кого-то стеснялся, не желая выглядеть дураком; а во-вторых, это же материальная ответственность!..

— ...И ждете с товаром, когда мы найдем машину и пришлем ее за вами, а когда она придет, вы грузите товар...

«Еще и грузчиком!» — подумал Олег.

— А почему вы говорите — «найдем машину»? У вас разве нет машины?

— Ну, просто они могут быть в это время в другом рейсе.

— А деньги на троллейбус вы выделяете... или за свой счет? — спросил Олег, хотя ему уже и так было ясно, что здесь он работать не будет. После выяснения всех деталей эта работа показалась Олегу совсем непривлекательной. Надо же, а поначалу все выглядело так красиво!

— За свой счет, — ответила леди-босс.

«Заживо похороненные»

Раздвигая, как ледокол льдины, стоящих пассажиров, по салону продвигался Сергей Петрович. Его толстые пальцы стискивали веер разномастных купюр.

— Сколько сейчас билет стоит? — спросил кто-то, видимо, редко ездивший в город.

— Тридцать один рубль, — сопя, ответил Сергей Петрович. Олег вспомнил, как Сергей Петрович на этот же вопрос бойко отвечал: «Семь рублей!» — и все пассажиры смеялись шутке весёлого шофера. Еще бы! Пять лет назад билет стоил восемьдесят пять копеек. Эх, Сергей Петрович, твои бы слова да Богу в уши! Вот если бы сейчас билет стоил семь рублей! А тогда, пять лет назад, увеличение цены билета с восьмидесяти пяти копеек до семи рублей казалось невозможным. Вычитанное еще в далеком советском детстве слово «инфляция» как-то незаметно подкралось вплотную и из беспредметного чудища превратилось в бумажный билет, удивляющий цифрой своей цены.

Наконец автобус поехал.

К центру занятости Олег подошел рано, за полчаса до открытия. Тем не менее, около довольно ветхого деревянного здания, где помещался центр, толпились люди. В тех, кто кучковался у входа,

чувствовалось внутреннее напряжение. Каждый хотел зайти внутрь в числе первых, чтобы успеть занять очередь, кому в какой кабинет нужно. И все старались не выдать это напряжение.

Бледное солнце протиснулось где-то между облачков, крыш, деревьев. Олег прозевал момент, когда дверь открылась, и со своим непринужденным видом вошел одним из последних.

Внутри часть толпы сразу же жадно ринулась к стенду с объявлениями о вакансиях. Все было не то. «Требуется аккомпаниатор в клуб... Зарплата — четыреста рублей. Задержка зарплаты — один месяц». Где это? А, вот адрес. Интересно, на что они надеются, кто поедет в такую даль на таких условиях? «Требуется учитель географии. Зарплата — семьсот рублей. Квартиры нет». М-да, семьсот рублей, конечно, лучше, чем четыреста, но...». Но Олег, работавший учителем, хотел расстаться со школой и найти более денежную работу.

— Мужчина, не толкайтесь! — раздраженный женский голос вырвался из равномерного гула, создаваемого движением и вполголосным переговариваньем людей.

Так, что еще? Ну, требуются ли сегодня грузчики? Так... Так... «Грузчик, зарплата — тысяча пятьсот. Частное предприятие». Попробовать, что ли? Олегу почему-то казалось

ненадежным работать в частном предприятии, и он искал работу в государственных организациях. А вот — «грузчик, зарплата тысяча двести... Мебельная фабрика. Без вредных привычек». Сколько раз Олега манила эта формулировка — «без вредных привычек». Да уж, действительно, если больше козырять нечем... И почему он не выучился, как его друг-одноклассник Игорь Порохов, на геолога? Игорь был высокий, крепкий, громкоголосый парень. Его самоуверенности и его заработкам Олег всегда завидовал. «Хотя чего завидовать? Работа у Игоря вечно в разъездах, где в лесу, где в поле. Это все равно не по мне. А что по мне? Грузчиком, что ли?! Да, а вот действительно, — что «по мне?»

Олег отвлекся от объявлений, перебирая в уме профессии, казавшиеся ему соблазнительными и недостижимыми. Телеобозреватель, рекламный стратег? Он затруднялся конкретизировать, но ощущал тягу к какому-то крупному, влияющему на жизнь людей действию. Аналитические способности, умение обобщать и желание направлять — все эти качества метались в нем и требовали выхода, огранки и применения, не желая быть заживо похороненными в Олеге, который, в свою очередь, был заживо похоронен в своей деревне, которая, в свою очередь, была заживо похоронена в глухомани, в затерянном мире

русской глубинки.

Полифонический психоанализ

От этих мыслей Олегу делалось тошно. Неужели он ни на что не годится в этой жизни? Ну, нет! А как же его музыка, его рассказы? Жаль, что они никому не нужны и на них нельзя заработать... Вспомнив о своих песнях, Олег заторопился. Нужно успеть к Нине Степановне! Но до этого надо еще в одно место... Будучи почти уверенным, что опять не повезет, Олег все же отправился на мебельную фабрику. И — опять не повезло — на работу принимали только с городской пропиской. «Будь она проклята, эта деревня!» — думал Олег, в очередной раз чувствуя себя изгоем. «Напрасно только спешил галопом!» Он взглянул на часы и подумал, что, пожалуй, не будет тратить деньги на троллейбус — и пешком еще успеет на встречу с Ниной Степановной, которая опекала самодеятельных композиторов в Центре досуга и творчества.

Придя на место, Олег миновал темный коридор и очутился в небольшом зале, где одну стену украшали пейзажные миниатюры, акварельные и исполненные углем, а вдоль другой находились мягкие диванчики. Его охватило знакомое чувство — ожидание, что сейчас должно

произойти что-то важное. «Вот так начиналась его творческая судьба», — пафосно подумал Олег о себе в третьем лице. Подобные мысли давно стали его привычкой. Второе «я» Олега с трогательно-комичной настойчивостью верило, что его ждет «большое будущ...»

— Ну что, Олег, давай посмотрим твои ноты, — вывела Олега из мечтательного состояния Нина Степановна. Она как-то слегка запыхалась. То ли ее разговор с женщиной, с которой она стояла у входа, кивнув Олегу: «Подожди!» — был неприятным, то ли она успела куда-то сходить и вернуться. Ее глухой голосок звучал чуть возбужденно.

— Вальс... Опус первый и последний... Да? — вроде бы без явной иронии, но как-то опускающе произнесла Нина Степановна, ставя на пюпитр тетрадь. Движения ее отражались в полированной панели пианино.

— Ну почему... — выдавил Олег. Ему стало неприятно. Ишь, подгоняет его под какую-то категорию из своих подопечных! Привыкла, наверное, иметь дело с теми, кто, действительно, сочинив за всю жизнь одну-две песни, прибегает к ней в восторге от своего «творчества». У Олега дома лежало около шестидесяти разнохарактерных песен и два десятка инструментальных пьес. Но не все ведь покажешь Нине Степановне. Олег

почувствовал досаду и сожаление, понимая, что не сможет рассказать ей о том воодушевлении, которое он испытывал, сидя за синтезатором по ночам. И разве станет она слушать запись той песни, которую Олег считал своей лучшей, — ведь она похожа на «Мишель» «Битлз», а какой этой старушке «Битлз»? Разве она захочет переключить свое закостенело-академическое восприятие на зыбкую прелесть этой песни? Вот вальс — это ей понятно...

Еще более неприятно Олегу было от того, что он чувствовал себя в очередной раз попавшим в одну из тошнотворных ситуаций-клише, ненавидимых им, и из которых он всегда стремился выскользнуть, и вроде бы уже научился выскальзывать, но нет, вот, опять попал. Ага! Кто он в этой ситуации? Он — этакий наивный недоучка, мнящий себя обладателем искры Божьей. А она? У нее еще до их очного знакомства заготовлено соответствующее отношение к нему. И ведь все это в какой-то степени правда, понимал Олег. Но и неправда одновременно! Видимо, все дело в соотношении этих понятий. А она приняла то соотношение, которое его не устраивало. Чтобы эта ситуация-клише стала законченной, Олег должен был бы испытать разочарование и как-то выразить его. Хорошо, хоть этого он может не допустить. Поэтому Олег с равнодушным видом

промолчал.

Нина Степановна заиграла. С листа она читала плохо. Ее пальцы с артритными узлами судорожно ударялись по клавишам, соскальзывая с них. Снисходительно не обращая внимания на то, как она фальшивит, Олег думал, что, наверное, его ученики со стороны иногда видят его таким же — важным и неумелым. Только его неумелость, полагал он, простительна. Он и так добился многого, мальчишкой из деревни, не отличавшим до шестнадцати лет «до» от «ля», все же сумел поступить в музучилище и закончить его. А вот как быть с постконсерваторской неумелостью Нины Степановны, на помощь которой в продвижении своего материала надеялся Олег?

— Ну што-о же... — протянула Нина Степановна, закончив играть. — Надо работать... заниматься! — неопределенно, но скорее одобрительно, чем осуждающе произнесла она. — Я вот тут прихватила...

Она протянула руку и взяла с пианино кожаную сумочку. Вжикнула молния. — Вот! Возьми, почитай... — потрясла она перед Олегом нетолстой книжкой.

Олег принял предложенное. «Полифонический анализ», — прочитал он на мягкой серо-белой обложке.

«На ее месте должен бы работать гибкий